

ОБРАЩЕННАЯ

Стефан Хертманс

An extract pp 269-286

Original title De bekeerlinge
Publisher De Bezige Bij, 2016

Translation Dutch into Russian
Translator Olga Grishina

© Stefan Hertmans/Olga Grishina/De Bezige Bij/Flanders Literature – this text cannot be copied nor made public by means of (digital) print, copy, internet or in any other way without prior consent from the rights holders.

р 269-286

Нахера

Им нельзя медлить, приближается осень. Каботажные суда вскоре ходить перестанут, и перевозки возобновятся только весной. Через пару дней они выезжают в небольшом фургоне. Хамуталь снова делает то, чего обещала больше не делать: в последний момент выхватывает малыша Аврама из кровати, берет на руки и прячет в корзинку между сумками и мешками, которыми набит фургон. Лишь проехав пару часов, мужчины обнаруживают обман, потому что дитя начинает плакать. Путь опасен, теперь она понимает, отчего свекор в предыдущий раз, когда она бежала с Давидом, послал их не по дороге на Компостелу, на юг, а через море на северо-восток. Повсюду им встречаются группы возбужденных юнцов, рвущихся в битву, крестьян, вынужденных бродяжничать, поскольку хижины их сожжены дотла, беспризорные дети. Встреченные мусульманские беженцы предупреждают о фанатиках, которые стали убивать и евреев. Порой появляются банды грабителей: пользуясь всеобщим смятением, они жестоко обирают простодушных путешественников. Небольшие еврейские общины, встречающиеся им по пути, запуганы и робки. Никто не знает, что принесет грядущий день. Временами их останавливают и допрашивают недоверчивые отряды и стражи на контрольных постах.

Путешествие к тому же весьма осложнено тем, что с ними маленький ребенок. Йом Тов, обнаружив дитя, грозит, что повернет назад, но старый Овадья остужает его пыл: негоже отнимать дитя у матери, в Нарбонне это поймут. К тому же им нельзя терять время. И они отправляются дальше по ухабистым дорогам, в пыли и под проливными дождями, с Хамуталь и Аврамом в громящем по булыжникам фургоне.

Примерно в сотне километров от Бургоса, в городке под названием Нахера, после трех тяжелых дней в дороге они решают передохнуть пару дней, прежде чем возобновить путь на северо-западное побережье. Мужчины ищут таверну, спрашивают прибежища на две ночи и приводят Хамуталь с ребенком в одну из комнат. Там она ухаживает за Аврамом, воркует с ним, перепеленывает, но называет норманнским именем одного из ее братьев. Арвид, говорит она, Арвид. Мальчик смеется, она щекочет его, пока он не начинает извиваться от удовольствия, Арвид, как же ей приятно это произносить, Арвид, я твоя мать, Вигдис. Вечером, в сумерках, за ужином,

племянник Тодрос и Йеошуа Овадья слышат, что она называет дитя Арвидом. Они этого не понимают, неуверенно улыбаются ей. Я Вигдис, говорит она, мать Арвида Норманна, и заливается смехом. За столом рядом с ними какой-то человек подталкивает локтем приятеля, указывает на нее.

Слыхал? говорит рыцарь. Теперь он внимательнее оглядывает женщину.

Не поверишь, говорит он, чтоб меня черти взяли, если это не беглая дочка отца Гудбрандра из Нормандии. Ты же сам слышал? Я, говорит, Вигдис.

Второй рыцарь явно в замешательстве. Неужели эта женщина, которую ищут уже годами, просто так сидит за столом? Рыцарь смотрит скептически.

Первый говорит: Я не сомневаюсь. Она похожа на своего брата, мы видели его в прошлом месяце, он тогда направлялся в Сицилию. Те же блеклые глаза, маленький нос и высокий лоб. Арвид. Она произносит его имя, ты разве не слышишь?

Он встает, подходит к начальнику гарнизона, расквартированного в городе, и докладывает, что слышал. Начальник припоминает солидную сумму, назначенную за голову дочери богатого горожанина; поручение было следующее: отправить гонца, как только кто-нибудь обнаружит ее, привезти в Руан и передать с рук на руки отцу. Дабы получить вознаграждение, необходимо доставить ее отцу, живую и в добром здравии.

Хамуталь засыпает вместе с ребенком, всё еще смеясь и воркуя, и бормоча «Арвид, сын Вигдис, ты Арвид, сын Вигдис», у дверей таверны выставляют двойную стражу. Через Бордо в Руан посылают нарочного. Другой нарочный к утру добирается до гавани в Сан-Себастьяне, где двумя днями позже приказывает первому судну, направляющемуся в Руан, дожидаться прибытия двоих посланцев и необычной и неожиданной гостыи, дочери Гудбранбра по имени Вигдис Аделаис, и до того не отходить.

Утром Хамуталь чувствует себя отдохнувшей, но в высшей степени напряженной. Она рада, что может, наконец, отправляться в Руан, что увидит родителей и все им объяснит, в конце концов у нее Арвид, дитя Викинга, она забыла, кто его отец, но при этой мысли ею овладевает неудержимый смех. Арвид Ничейный! кричит она и заходится хохотом.

Страже приказывают войти. Они берут женщину под руки и отводят в харчевню, кто-то отбирает у нее ребенка. Йом Тов и Йеошуа Овадья пытаются вмешаться. Их грубо отталкивают, старый раввин падает навзничь и ушибает спину.

Иудейские псы, шипит один из рыцарей, выхватывая меч, только протяни лапу, и тебе конец. Хамуталь визжит: Я Вигдис Хамуталь, Я Вигдис Хамуталь Аделаис Гудбрандр, оставьте меня в покое, отдайте мое дитя, это Арвид Тодрос, это мой ребенок, сын моего отца, который его зачал. Она плюется и пронзительно кричит, и вопит, и вырывается. В харчевне поднимается шум: некоторые мужчины встают, видя женщину, которая бешено размахивает руками, пинается и плюется.

Его зачал мой отец! Кричит она и диковато ухмыляется.

Несмотря на то, что она дергается всем телом и рвется, как кот из мешка, ее выволакивают на улицу.

Мое дитя, кричит она, Арвид Гудбрандр, он меня дрючил, спал со мной, ха-за, дрючил как черт!

Мужчины усиливают хватку.

Мерзавцы, дрючил как сущий дьявол!

Она трясет головой, глаза блуждают, на губах выступила пена. Подходит священник. В ужасе слышит он, что сейчас выкрикивала женщина. Он трижды осеняет себя крестом, бормочет, широко раскрыв глаза: *Vade retro Satanas*¹.

Женщина визжит: Ха-ха-ха, дрючил, как Сатана!

Она яростно мотает головой, трясет разметавшимися седыми кудрями. Священник подходит к мужчинам, просит связать ее.

Они грубо выполняют его просьбу.

Мое дитя! Арвид, сын Шмуля, кричит Хамуталь, опасайся дьявольского крокодила! Он тебя укусит, ай-яй-яй, нет, нельзя тонуть, мое дитятко!

Она извивается и кусается, как бешеная собака. Один из рыцарей дает ей тычка, и она падает с окровавленным носом.

Слышь ты, ведьма, мы изгоним из тебя дьявола.

Священник осеняет себя крестом, Йом Тов кричит, чтобы ее отпустили, что она иудейка и не христианам ее судить.

Нет, никакая она не иудейка, рычит начальник гарнизона. Она, черт возьми, христианка, ее зовут Вигдис Аделаис, я лично знаю ее отца Гудбрандра, вас это вообще никаким боком не касается, убирайтесь отсюда, пока голова на плечах цела, грязные псы, дьявол бы вас побрал.

Тем временем Хамуталь, ошеломленная, с трудом пытается подняться, замечает, что ноги у нее связаны. Падает навзничь, рыцарь снова бьет ее, чертова шлюха, орет он. Пинает ее носком железного ботинка по рукам и ногам, она лишается чувств. Из носа течет кровь. Собирается небольшая толпа, зрители приходят в возбуждение. Пока солдаты совещаются, как бы им побыстрее погрузить женщину на телегу, чтобы перевезти на побережье, священник кричит, что она одержима дьяволом, и перевозить ее нельзя, ибо дьявол потопит корабль.

По разросшейся толпе прокатывается волна ужаса.

На костер! Раздается откуда-то.

Крик немедленно подхватывают.

На костер ведьму!

Хамуталь смутно приходит в себя; начальник гарнизона приближается к ней.

Ты Вигдис Аделаис, дочь Гудбрандра Норманна? Можешь это подтвердить?

Она плюет в него.

Я Хамуталь, дочь дьявола, шипит она, убери от меня свои грязные христианские лапы.

Одержима, кричит священник, одержима нечистой силой! *In nomine patris et filii et spiritus sancti*!² Ее нужно сжечь как можно скорее, пока дьявол еще что-нибудь с ней не вытворил.

На костер, вопит толпа, сжечь ее, сжечь ее!

¹ Отойди от меня, Сатана (*лат.*).

² Во имя Отца, Сына и Святого Духа (*лат.*).

Начальник гарнизона видит, что его вознаграждение исчезнет как дым, если здесь подвергнут самосуду женщину благородного происхождения. Он медлит, пытается отговорить священника, но слишком поздно. Все прибывающая толпа хватается за женщину, срывает с нее одежду. Полунагую, в крови, ее волокут по песку к высокому красному утесу, куда мужчины стаскивают сухой хворост. Хамуталь, теперь полностью связанную и в полубессознательном состоянии, прислоняют к камню под быстро восходящим солнцем. Кровь на ее лице почернела, пропитавшись пылью, и толстыми веревками натекла на полуобнаженную грудь.

Знак дьявола, кричит какой-то человек, у нее из носу течет смола! Дьявол сидит в ней и гонит смолу из ее дьявольского тела! Не прикасайтесь к ней!

Хамуталь закатывает глаза, хрипит от боли в членах.

Люди начинают нервничать, кто-то с размаху швыряет в нее камень и попадает в лоб. Голова откидывается на камень. Хамуталь сползает наземь.

Несколько человек подходят с охапками дров. Куча быстро растет. Отыскивают и заостряют толстый ствол, устанавливают, вкопав в землю, укрепляют. Куча хвороста уже высотой в метр. Священник подходит к Хамуталь и спрашивает в последний раз: Ты Вигдис Аделаис, дочь Гудбрандра Норманна?

Я Хамуталь Тодрос, кричит она, Хамуталь Тодрос из Фустата! Я еврейка, еврейка, к черту вас всех.

Толпа отступает, затаив дыхание.

Еврейка и одержимая, еврейка и одержимая, гудят распахнутые рты, тарашатся глаза. Некоторые осеняют себя крестом, начинают молиться; вскоре молитву возносит вся толпа. Люди падают на колени и умоляют Господа помочь, а женщина бредит под палящим солнцем.

Раздается благочестивое песнопение. Обстановка делается торжественнее с каждой минутой.

Один подходит с зажженным факелом. Другой наматывает Хамуталь на шею шаль и засовывает туда тонкие веточки, чтобы огонь занялся быстрее. Ее тянут, дергают. Она почти без чувств висит между двумя мужчинами, которые волокут ее на костер. Избитая, с венком из веток у лица, она кажется ведьмой, демоном, чудовищем из преисподней.

Она вдруг поднимает голову, извивается, пытаясь сопротивляться.

Где Арвид, сын Хамуталь, кричит она, где Арвид, сын иудейский из Фустата!

Толпа в смертельном страхе непрерывно крестится. Хамуталь издает хриплые вопли, зрители отшатываются. Ее терзает дьявол, говорит священник, не медлите, а то он выскочит наружу.

При этом соображении зрителей охватывает паника.

Хамуталь швыряют на кучу хвороста, руки обвязывают вокруг столба. Человек с факелом подходит ближе.

В это миг Йом Тов вырывается из толпы вперед.

Стойте, кричит он, прекратите, это ошибка! Меня зовут Йом Тов из Нарбонны, я беру эту женщину под свою защиту с разрешения достопочтенного раввина Тодроса.

Его грубо отталкивают.

Тогда, трясаясь, вперед выходит старый Йеошуа Овадья. Он умоляюще воздевает руку.

Добрые люди, говорит он, послушайте, прежде чем сжигать эту женщину. Я поведаю вам одну историю.

Слышен ропот, но начальник гарнизона призывает к спокойствию.

Старый раввин рассказывает о новообращенной Вигдис и ее возлюбленном, погибшем во время погрома.

И хорошо сделали! Ревет в толпе кто-то. Сжечь всех иудейских псов!

Но хрупкая фигура старого, трясущегося Овадья располагает людей к тому, чтобы позволить ему еще несколько слов. Он хватается за этот невеликий шанс. Он говорит, в то время как огонь уже охватил хворост: я дам тридцать пять динеро, чтобы откупить эту женщину от костра и за возможность сопровождать ее в Руан. Это скромная сумма, согласен: тридцать пять динеро на всю вашу общину. Но больше у нас нет. Эта женщина потеряла рассудок из-за всех печалей и горестей, она не понимает, что говорит, поверьте, предоставьте ее мне, я отвезу ее домой. Он оглядывает собравшихся.

Страх перед одержимой дьяволом глубоко засел в окружающих, даже в начальнике гарнизона. Но он-то не дурак.

Ты что же, хитрый старый жид, говорит он, на мое вознаграждение позарился?

Он снова выхватывает меч.

Я подпишу свидетельство, говорит Овадья, которое ты сможешь вручить в Руане отцу этой женщины. Твой дьявол не сможет мне навредить, ибо я еврей. Поручи мне эту женщину, я сопровожу ее на корабль и отвезу к отцу. Я знаю Руан, я бывал там в молодые годы. Посещал старую еврейскую школу. Тот, кто знает Руан, представляет, где она располагалась; я даже помню улицу, на которой живет ее отец. Ты можешь доверять мне.

Начальник гарнизона понимает, что это его единственный шанс получить вознаграждение.

Он кричит солдатам, чтобы те немедленно погасили огонь и отвязали женщину от столба. Хамуталь, безвольно висящая у столба точно кукла, не понимает, что с ней происходит. Йом Тов и Овадья осторожно оттаскивают ее от костра. Она задыхается, кашляет, моргает. Голова откидывается назад. Овадья просит воды для выкупленной женщины, прыскает ей в лицо. Поддерживая с обеих сторон, мужчины ведут ее в таверну. Там ей, по настоянию коменданта гарнизона, отдают ребенка. Она, похоже, по-прежнему не осознает происходящего, она словно в трансе: что-то бормочет, лопочет какую-то несвязицу ребенку, задыхается и кашляет. Рука бездумно поглаживает детскую головку.

Йом Тову она говорит: Давид, любовь моя, поцелуй меня.

Вытягивает трубочкой губы, — страшное лицо в потеках сажи, распухший рот и вся эта свернувшаяся кровь. Овадья набрасывает плащ на ее голые перепачканные плечи. Мужчины приводят ее в комнату наверху, велят принести воды, чтобы она смогла помыться.

На следующий день Овадья и Йом Тов повезут ее на побережье в сопровождении нескольких солдат и начальника гарнизона, который подыскал себе замену на время поездки.

Теперь, оставшись в комнате одна, Хамуталь, кажется, немного успокаивается. Овадьа приходит к ней, сообщает, что, в сущности, бóльшую часть суммы придется занять у Йом Това. Сам Овадьа может дать только пять динеро. Завтра к восходу солнца сумма должна быть уплачена. Овадьа спрашивает, сколько у нее золотых монет.

Хамуталь отрицательно машет рукой, медленно качает головой.

Что нашло на нее? Овадьа настаивает, чтобы она сказала, куда спрятала кошелек. Он знает, что старый Тодрос дал ей денег. Хамуталь съеживается, как больное животное, снова отрицательно качает головой и, кажется, засыпает.

Завтра улажу дело, думает старик, она совершенно не в себе.

И хотя Хамуталь и в самом деле совершенно не в себе из-за всего произошедшего, ночью к ней понемногу возвращается разум. Она больше не хочет, чтобы ее везли в Руан. Это иллюзия, что отец простит ее; за ересь, в которую она впала, сделавшись иудейкой, полагается смертная казнь. Руан, куда она хотела вернуться, теперь не более чем воспоминание юности; в голове проносятся истории о великом погроме на его улицах и у иешивы. Что случится с ребенком? Не угодит ли она и там на костер? Что это означает, она сегодня испытала на себе. Нет, возвращение в Руан — это верная смерть. Она должна бежать. Иначе нельзя — бежать, как всегда. И кстати, как она сможет когда-нибудь отплатить Йом Тову? У нее с собой лишь горстка монет, нужно их приберечь на случай, если ребенку что-нибудь понадобится. Она садится; повсюду темнота и тишина, над дальними холмами низко висит желтая убывающая луна. Она слышит дыхание младенца, стонет от боли, охватившей все тело. Медленно и осторожно одевается, перепеленывает дитя в шаль, как делала в Моньё, Нарбонне и Фустате. Тихонько прокрадывается вниз по лестнице, выжидает всякий раз несколько секунд, если скрипнет ступенька, и вот она вдруг на свежем ночном воздухе. Дует легкий ветерок; где-то в далекой тьме слышны голоса диких зверей; звезды мерцают над холмами. Она глубоко дышит, что-то, кажется, оживает в ней, она знает, чего хочет. Пускается в путь, с трудом, нерешительно, но через несколько шагов ступает уже плавнее, боль слегка притупляется при движении, дитя спит в шали у нее на спине, она в пути. Она знает, куда идет.

*

К восходу солнца она проходит уже несколько километров; прячется в хлеву среди овец, дожидаясь вечера, чтобы отправиться дальше.

В Нахере начальник гарнизона стучит в дверь таверны.

Появляется Йом Тов, мужчины садятся за стол. Йом Тов уплачивает тридцать имеющихся у него динеро, затем отсчитывает пять динеро Овадьи.

В этот момент Овадьа стучит в дверь комнаты Хамуталь, но ответа не получает. Он зовет ее по имени, выжидает несколько секунд, снова стучит. По-прежнему тишина.

Он усаживается и ждет. Через некоторое время комендант гарнизона приходит за Овадьей и Хамуталь.

Поскольку из комнаты все еще нет никакой реакции, дверь открывают. Старый раввин сразу же понимает, что произошло; комендант хватается за горло и кричит: ты намеренно дал ей ускользнуть! Ты обманул меня! Тебе это будет стоить головы, старый жид!

Овадья стонет и умоляет, схваченный солдатом, наверх приходит Йом Тов, пытается утихомирить коменданта: далеко она уйти не могла, вероятно, отправилась в Руан одна, потому что боится, как бы ее снова не подвергли казни. Она помешалась, они не виновны в том, что она сбежала. Ничего не потеряно, им просто нужно самим как можно быстрее выехать в Сан Себастьян, она выйдут на ее след.

И вновь комендант дает себя уговорить, думая о вознаграждении, которое ждет его в Руане.

Йом Тов вызывается ехать вместе с комендантом.

Оба выезжают верхом; Овадья, задыхающийся и обессиленный, остается.

Старый раввин еще несколько дней живет в таверне, чтобы немного окрепнуть. После этого выходит в Нарбонну, дабы составить там отчет о событиях в Нахере.

По дороге он начинает подозревать, что Хамуталь сбежала в Нарбонну. Он собирается с духом, надеется, что все закончится хорошо. Договаривается с возницей, тот разрешает ему примкнуть к нескольким мусульманским беженцам с юга. Они тоже направляются в Нарбонну.

По прибытии в семейство Тодросов он убеждается, что Хамуталь там нет. Они ждут несколько дней, надеясь, что она все-таки появится, потом сдаются. Собираются старые раввины, взвешивают шансы Хамуталь на выживание. Может быть, отец пощадит ее. Может быть, им нужно отправить сообщение в общину, немногим выжившим. Они не знают. Перед глазами у них сцена: Хамуталь, схваченная комендантом гарнизона и Йом Товом, славным племянником. Ее препровождают на корабль; возможно, сейчас она уже далеко в море.

Но спустя несколько недель внезапно появляется Йом Тов; Хамуталь нигде не нашли, а сам он едва избежал самосуда. Теперь, когда не осталось никаких перспектив, Овадья всю зиму проводит в Нарбонне. Он слишком стар и немощен, чтобы в такое время года возвращаться в гористую местность, где располагается Моньё: на высокогорьях климат переменчив и суров, здесь же, у моря, теплее, и общество старого почтенного друга идет ему на пользу. Но проезжие путешественники приносят пугающие вести. Отовсюду поступают сообщения о погромах; через сто лет тысячелетнего страха перед христианами кажется, что великий зверь в конце концов спустился на планету, чтобы топить в фанатизме и слепой ярости все, что окажется на его пути. В храмах ежедневно разносятся унылые песнопения, в утренней мгле гудят колокола, клубится ладан в солнечном свете, проникающем сквозь витражи. В сумрачных синагогах звучит молитва «Шма Исраэль³», темная и старая, как непостижимое время, настигшее евреев. Испанские мечети сгорают дотла; реконкиста разжигает бытовой садизм и мстит мусульманам; повсюду смута. Старые раввины,

³ Слушай, Израиль (*иврит*).

бормоча, склоняются над свитками Торы. Серебряная указка скользит по старому пергаменту.

*

В конце марта 1099 Овадья собирается предпринять путешествие — не менее полутора недель, по его оценке. Он поедет верхом по Домициевой дороге⁴, сперва в направлении Арля, потом возьмет курс на северо-восток, на Апт, где на несколько дней задержится. Погода меняется, внезапно суровеет, начинаются последние метели, полдень кажется ночью, из темных лесов Люберона выползает туман. Овадья ждет, когда однажды утром сквозь облака пробьется солнце. Полосы тумана поднимаются над холмами. Первое раннее тепло делается ощутимым, старый раввин собирается с духом. Сперва он проедет по равнине до Русийона, потом по дороге через холмы Сен-Сатюрнена, мимо ущелий и оврагов, в которых пробуждается земля. Дикая слива уже в цвету; зайцы носятся среди черных утесов, в долинах распускаются первые ирисы, на оголенных ветвях висят последние чернильного цвета ягоды. Однажды он замечает грот и укрывается в нем от дождя. Лошадь пуглива и нервна, он привязывает ее к дереву неподалеку. Шелестящий дождь надвигается на все кругом, словно раздвижная завеса. Он слишком поздно замечает, что расположился рядом с волчьим логовом. Детеныши попискивают от голода и на дрожащих лапках подползают к нему. Подходит волчица, с рычанием оскаливается, готовая защитить щенков; старик медленно, осторожно ложится и более не шевелится. Волчица выжидает, успокаивается, подходит поближе и обнюхивает его, затем устраивается среди своих сосунков. Старик спит рядом с кормящей волчицей. Когда он просыпается, ее уже нет. Над холмами виднеется тусклое солнце, с ветвей каплет, повсюду поблескивает вода. Он осмотрительно поднимается, идет к лошади. Проходя мимо утеса, замечает взгляд следующей за ним волчицы.

Сердцем он с прозелиткой, он думает о ней весь день. Вообще говоря, он скорбит о ней; он уверен, что ее казнят. Ему кажется, что он недостаточно сделал для нее. К вечеру он на холмах Сен-Сатюрнена. Спина разламывается от верховой езды, тело затекло, он измотан.

Однако ему не терпится добраться до дому. Несколько часов он дремлет под соломенным навесом, ибо нигде вокруг не видно никакого жилья — у огня, который он спустя столько времени разжигает вновь, чтобы не подпускать волков. В темноте лошадь несколько раз пугается.

На следующее утро он ощущает тепло росы.

На восходе немедленно садится в седло, проезжает мимо Лью и местечка, которое в наши дни называется Замок де Жавон, а в те времена бывшее приземистой фермой: пара коз, овец, заливающаяся нервным лаем овчарка. Наконец он вновь спускается из Сен-Жана, оказывается неподалеку от пересохшего русла Крока, где долину пересекают римские акведуки, с северо-восточной стороны плоскогорья Монье.

⁴ Via Domitia — первая римская дорога, соединявшая Древний Рим с Испанией через Нарбонскую Галлию по территории современной южной Франции.

Он вновь видит вдаль уединенную старую деревню и ощущает боль счастья; сдерживает слезы, легонько прищипывает коня. Прозжает по долине в расположенную на холме деревню; теперь слышна смутная житейская суeta у стен, клохтанье кур, обрывистое тьяканье собаки. Солнце освещает башни и часовню наверху. Рабочий люд расширяет и укрепляет крепостные стены.

Растроганный, он узнает запахи и краски своей старой деревни. Он смертельно устал сердцем. Первые пчелы гудят над виноградной лозой, его одурманивают первые весенние цветы, мелкие обрызганные дождем цветки шиповника на окраине деревни благоухают ключевой водой. Овадьа привязывает лошадь у ворот. Его с удивлением узнают; он плачет и ковыляет к своему дому, восхождение далось нелегко.

Он отсутствовал более полугода; здесь же время словно остановилось.

Несколько часов он отдыхает, к вечеру обходит деревню, пожимает руки.

И вдруг возле частично восстановленного Портала Мёнье замечает сидящую на камне женщину.

Это Хамуталь.

Он подходит к ней, обрадованный, хочет обнять.

Она глядит непонимающе.

Хамуталь, говорит он, как ты сюда попала?..

Женщина мотает головой, уставясь под ноги.

Хамуталь?..

Она склоняет набок голову, словно таким образом что-то может сдвинуться в ее мыслях, но ничего не происходит.

Она поднимает на него глаза, смотрит. В ее взгляде нет узнавания. Светло-голубые глаза чудовищно косят.

Руки покрыты шрамами и грязью.

Левая ступня распухла от укуса и сильно вывихнута.

На левой руке не хватает мизинца, на его месте — гноящаяся болячка.

Подходит какой-то человек, берет потрясенного раввина за плечо.

Оставь ее, она больше ни с кем не говорит.

Ему рассказывают, что она пришла сюда еще до зимы, больная и сломленная, и что обычно сидит на развалинах синагоги, на краю миквы. Иногда спускается туда, в резервуаре сейчас нет воды. Люди считают, что она живет в старой яме. По ночам закрывает яму ветками и листьями. Побирается, некоторые селяне время от времени приносят ей еду. Она берет все, жадно съедает. Но не говорит ни слова.

А где же ее ребенок?

Человек пожимает плечами.

Ребенок? Здесь мы его не видели. Когда она пришла, с ней не было никакого ребенка.

Хамуталь, снова зовет Овадьа.

Он кладет ей руку на плечо.

Сара Хамуталь?

Похоже, она не слышит. Ее руки копошатся на коленях. Она глядит прямо перед собой.

Овадьа вновь ковыляет в дом.

На следующий день он пишет письмо в еврейскую общину Фустата, дабы засвидетельствовать ее побег и упомянуть, что рожденный в Египте ребенок, Аврам, сын Шмуля, пропал.

3.

По ночам на краю долины так непроницаемо черно и тихо, что она порой думает: это конец света. Тот, кто выйдет из деревни, будет бесконечно падать в черную дыру, в то неизвестное, что охватывает мир и начинается здесь, в нескольких шагах. Она слышит крик совы, и какое-то воспоминание из ее юных лет вспышкой пронесется сквозь помутившееся сознание. Тогда она снова видит: дождливый и ветреный вечер, улитки спариваются, ползая по камням, полупрозрачный спутавшийся клубок. Ее тошнит. Звезд больше нет, лишь бесчисленные мелкие дыры в черноте и свет, который, похоже, не может пробиться сквозь эту черноту. Она спускается в пересохшую микву, порой полночи прячется там и бубнит вздор. Наутро дрожит, как пойманный зверь, лежа на сухом папоротнике, перечисляет имена и бормочет непонятные молитвы. При первых лучах солнца собирает травы и фрукты. Она поглаживает кусты и произносит тирады низким облакам. Кабан сильно пинает ее в правое колено, и несколько недель она хромает. Левая ступня волочится как деревянный башмак. Эта безжалостная местность — ее упоение, она избегает людей и их обиход. Во время длинного, жаркого лета она спит на берегу Неска, в расщелине, там прохладно и безопасно. Осенью подбирает орехи, рвет яблоки, бродяжничает. Худая как щепка, выносливая как дикий зверь, она не ведает течения времени. Разговаривать почти разучилась. Наступающая зима грозит ей тихой смертью от мороза. Она забирается в хлевы к скоту. Никому нет до нее дела, кроме старого раввина, который уже почти не встает.

Он умоляет ее перейти в дом, хотя бы на ночь. Она не понимает его слов, или делает вид. Ей не хочется жить, а умереть она не может. Имена, имена вертятся у нее в голове, она не помнит, чьи. В мыслях она порой проводит дни в Руане, во внутреннем дворе, играет с братьями. Арвид, беззубо улыбается она, Арвид, любовь моя. И вновь загорается ее тело ниже пояса, на ней мужчина, его вес давит и смешит ее, и она тяжело дышит, пока не заснет. Крысы и змеи ее частые гости; порой они забираются в тепло грязных юбок, но это ее не беспокоит. Начинает подмораживать, выпадает и тает снег, все быстрой чередой, к вечеру, под низкими облаками; повсюду шелестит талая вода, крутые тропы превращаются в ручьи. Она спит в сухой микве, под ветками и старыми лисьими шкурами. Слышно, как она зовет там, смеется, визжит, молится. Грязными ногтями выкапывает трюфели — дьяволовы копыта, грубо хохочет и разговаривает сама с собой.

На плоскогорье, где нынче развалины деревушки Флаусье — пара беспмятных домов в укрытой боковой долине, Хамуталь прячется в снежные дни в старой *бори*⁵. По утрам спускается к ущелью Неска, поглядеть на птиц, носящихся в глубине под ней. Ей грезится, что она парит над миром.

⁵ Borie (фр.) — традиционный каменный дом.